

УДК 327

РОЛЬ ГЕРМАНИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ В 1992–1995 гг.

В.А. Шагалов

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы урегулирования одного из острейших конфликтов на Балканах – конфликта в Боснии и Герцеговине – и роль в этом процессе Германии. Автор подробно останавливается на позиции руководителей ФРГ Г. Коля и Х.Д. Геншера. Особое внимание в статье уделяется участию военнослужащих бундесвера в миротворческой операции в Боснии и Герцеговине.

Ключевые слова: конфликт, Босния и Герцеговина, Сербия; Хорватия, ООН, миротворческая операция, Германия, Г. Коль, США, германские военнослужащие.

Распад биполярной системы международных отношений, которая на протяжении четырех десятилетий гарантировала определенную стабильность и предсказуемость в мировой политике, привел к целой серии региональных вооруженных конфликтов. Самым острым и опасным с точки зрения международной безопасности стал конфликт на Балканах. В 1991 г. начался распад некогда единой Социалистической Федеративной Республики Югославии, причем отделение некоторых бывших республик сопровождалось полномасштабными вооруженными столкновениями с применением тяжелых вооружений, включая танки и авиацию. Самой серьезной по последствиям стала гражданская война в Боснии и Герцеговине, ставшей ареной противостояния хорватов, сербов и боснийцев-мусульман. Все ведущие державы Европы и мира включились в процесс урегулирования балканского конфликта, представлявшего серьезную угрозу международному миру. Германия традиционно имела свои интересы в этом регионе. После объединения ГДР и ФРГ в 1990 г. на политической карте Европы образовалась мощная держава, претендовавшая на роль континентального гегемона. Вместе с тем ей пришлось перестраивать свою внешнюю политику, исходя из тех глобальных перемен, которые произошли в «эпоху Горбачева». С первых месяцев балканского конфликта, и в частности боснийского кризиса, Германия пытается сформировать свою политику в этом регионе и участвовать в урегулировании конфликтной ситуации.

Признание независимости Боснии и Герцеговины 6 апреля 1992 г. стало отправной точкой германской политики в отношении бывшей югославской республики. Поскольку названная акция оказала скорее деструктивное, чем позитивное влияние на стабилизацию положения в Боснии и Герцеговине, дипломатия ФРГ активно подключилась к поиску возможных шагов по урегули-

рованию конфликта. Так, в апреле-мае лидерами ЕС активно обсуждался вопрос об ужесточении дипломатических и экономических санкций в отношении Союзной Республики Югославии, при этом наиболее жесткую позицию занимал министр иностранных дел ФРГ Х.-Д. Геншер. С подачи государственного секретаря США Дж. Бейкера руководитель германского внешнеполитического ведомства неоднократно призывал своих европейских коллег серьезно обдумать возможность разрыва дипломатических отношений с Югославией, предлагал исключить последнюю из СБСЕ, а также вынести вопрос о введении санкций на заседание Совета Безопасности ООН.

Преемник Х.-Д. Геншера, К. Кинкель, в своих выступлениях также подчеркивал необходимость ужесточения санкций в отношении СРЮ и в посланиях на имя Генерального секретаря ООН и руководителей государств-членов Совета Безопасности постоянно напоминал о необходимости введения «режима полной международной изоляции» [1].

Важным событием в боснийской политике ФРГ стало проведение 26–27 августа 1992 г. Лондонской конференции по урегулированию кризиса в Боснии и Герцеговине. Выступая на ней, К. Кинкель представил свою программу решения боснийского вопроса, лейтмотивом которой стало резкое предупреждение в адрес белградского руководства, которое немецкий министр объявил главным виновником эскалации конфликта. К. Кинкель призвал враждующие стороны к соблюдению перемирия, указал на необходимость поиска политических аспектов урегулирования. В своем выступлении руководитель германской дипломатии высказался также за строгое соблюдение режима санкций в отношении СРЮ, а также потребовал незамедлительного расформирования лагерей военнопленных на территории Боснии. Министр напомнил участникам конференции о готовности Германии принять у себя беженцев из республик бывшей Югославии, но в то же время призвал к проявлению большей «европейской солидарности» в данном вопросе. В заключение глава немецкого внешнеполитического ведомства предложил отказать СРЮ в праве выступать в качестве легитимного правопреемника СФРЮ в международных организациях.

Результаты конференции К. Кинкель охарактеризовал позже как «полезные», рассматривая большую часть германских требований в качестве «выполнимых». В то же время он констатировал ограниченность возможностей германской дипломатии эффективно влиять на развитие событий в Боснии и Герцеговине: «дипломатические возможности (Германии) оказывать воздействие уже исчерпаны». Схожую оценку перспектив полноправного участия германской дипломатии в процессе урегулирования боснийского кризиса излагает М. Либал: «Германия достигла определенного барьера, обозначающего предел собственных возможностей регулировать ход миротворческой деятельности (в Боснии и Герцеговине)» [2, р. 99].

Действительно, Федеративная Республика объективно на тот момент не обладала необходимыми дипломатическими рычагами, использование которых оказало бы заметное воздействие на развитие боснийского кризиса: она не была представлена в миротворческом контингенте ООН в Боснии и Герцеговине, не являлась членом Совета Безопасности ООН, утратила статус председателя СБСЕ. Сужение сферы влияния ФРГ в обсуждении боснийского вопроса также

обусловлено тем обстоятельством, что поддерживаемые Германией меры по урегулированию конфликта (признание независимости Боснии и Герцеговины, введение политических и экономических санкций в отношении СРЮ) не принесли предполагаемого позитивного результата. Подводя итоги боснийской политики ФРГ в 1992 г., А. Людеке писал: «1992 г. не был обозначен какими-либо значимыми германскими инициативами по боснийскому вопросу. Исключение составило лишь установление дипломатических отношений с Боснией и Герцеговиной в ноябре 1992 г., которое следует рассматривать в качестве сигнала сербскому руководству, выражающего намерение ФРГ однозначно придерживаться принципа территориальной целостности бывшей югославской республики» [3, S. 301].

Следующий этап германской политики в боснийском кризисе связан с обсуждением нового плана мирного урегулирования, предложенного международными посредниками С. Вэнсом и Д. Оуэном в начале января 1993 г. В этой связи необходимо отметить достаточно сдержанные оценки указанной дипломатической инициативы с немецкой стороны, которая отдавала явное предпочтение позиции администрации США, предлагавшей иной комплекс мер по стабилизации положения в Боснии и Герцеговине. Американская дипломатия, продемонстрировав свое скептическое отношение к плану Вэнса-Оуэна, настаивала на необходимости отмены эмбарго на поставки вооружений боснийским мусульманам, а также заявляла о возможном нанесении воздушных ударов по позициям боснийских сербов. Точка зрения США по вопросу боснийского урегулирования встретила непонимание в Европе, прежде всего в Великобритании, Франции и Испании, предоставивших в распоряжение международных миротворческих сил в Боснии и Герцеговине наибольшие по численности контингенты и опасавшихся за безопасность своих миротворцев.

В то же время руководство Федеративной Республики положительно оценивало предложенные американской стороной меры, вследствие чего значительно осложнился диалог Германии с перечисленными выше европейскими партнерами. Федеральный канцлер, а также члены германского кабинета министров в начале 1993 г. открыто высказывались за отмену эмбарго в пользу боснийских мусульман, мотивировав свою позицию давлением со стороны немецкой общественности, взволнованной непрекращающимся насилием в бывшей югославской республике. В то же время германский бундестаг подавляющим большинством голосов принял резолюцию по Боснии и Герцеговине, содержащую в том числе призыв к Совету Безопасности ООН отменить эмбарго.

Поскольку европейские партнеры ФРГ решительно отвергали любые предложения о легализации поставок вооружений боснийским мусульманам, а также допускали лишь достаточно ограниченное нанесение бомбовых ударов по позициям сербских вооруженных формирований, германская сторона в марте-апреле 1993 г. постепенно сворачивает активную деятельность по реализации американских предложений и начинает рассматривать план Вэнса-Оуэна в качестве основы мирного урегулирования в Боснии и Герцеговине. В конце марта 1993 г. К. Кинкель признает, что «не существует какой-либо перспективы, кроме надежды на реализацию плана (Вэнса-Оуэна)» [4, p. 103].

Разворот германской дипломатии в сторону поддержки указанного плана мирного урегулирования совпал по времени с наметившимся изменением позиций Великобритании, Франции и Испании, серьезно обеспокоенных отсутствием конструктивного диалога по боснийской проблематике с Соединенными Штатами. Стремление трех европейских держав согласовать свои позиции с американской администрацией привело к подписанию в Вашингтоне «Программы действий по мирному урегулированию в Боснии и Герцеговине», которая обозначила, по сути, начавшийся демонтаж мирного плана Вэнса-Оуэна.

Встреча в Вашингтоне вызвала достаточно резкую реакцию со стороны руководства Германии, открыто выразившего свое недовольство отсутствием соответствующих консультаций в рамках Европейского политического сотрудничества. После обнародования текста «Программы» Г. Коль высказался за приверженность принципам плана Вэнса-Оуэна и предостерег от опасности превращения зон безопасности, предусмотренных документом, в резервации для мусульманского населения. Встреча канцлера Г. Коля с французским президентом Ф. Миттераном 2 июня 1993 г. выявила очевидные различия в оценках сторонами перспектив дальнейшей реализации плана Вэнса-Оуэна и вашингтонской «Программы», а также продемонстрировала серьезное недовольство немецкой стороны отсутствием предварительных консультаций на европейском уровне. Лорд Оуэн заметил по этому поводу: «Руководство Германии было шокировано, когда узнало о том, что без их участия состоялось подписание вашингтонской «Программы» 22 мая. В Бонне были раздосадованы также тем, что со стороны Великобритании, Франции и Испании не последовало каких-либо предварительных консультаций с европейскими партнерами» [5, р. 46].

Подписание вашингтонской «Программы» стало для руководства Федеративной Республики символом той второстепенной, посредственной роли, которую германская дипломатия играла в ходе урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине. Неудовлетворенность таким положением обусловила критику указанного документа со стороны Бонна, что серьезным образом осложнило дискуссию Германии с США и европейскими партнерами по боснийскому вопросу. Следует подчеркнуть, что германо-американские отношения в конце июня 1993 г. оказались также осложнены заявлением государственного секретаря США У. Кристофера, в котором он подверг критике германскую политику в отношении Словении и Хорватии во второй половине 1991 г. и отметил, что «ФРГ несет особую ответственность за происходящее в Боснии и Герцеговине» [6, р. 457].

Вплоть до ноября 1993 г. германская политика по вопросу боснийского урегулирования испытывала негативное воздействие кризиса отношений с европейскими партнерами и США. В июле-августе того же года участники ЕС усилили критику немецкой протекционистской политики в отношении Хорватии и вновь отвергли предложение ФРГ по отмене эмбарго на поставку вооружений боснийским мусульманам. Скептическая позиция Германии в отношении сербско-хорватского мирного плана, предусматривающего создание унии трех республик, также не способствовала возвращению в конструктивное русло дискуссии Федеративной Республики с европейскими партнерами по вопросам боснийского урегулирования.

В ноябре 1993 г. наметилась нормализация германо-французского диалога по боснийской тематике. Стремясь подчеркнуть качественный переход Европейского Союза к общей внешней политике и политике в сфере безопасности, 22 ноября министры иностранных дел ФРГ и Франции К. Кинкель и А. Жюппе выступили с совместной инициативой по нормализации положения в Боснии и Герцеговине, поддержанной позже остальными участниками ЕС. В рамках реализации указанной инициативы европейские дипломаты организовали проведение двух раундов переговоров в Женеве и Брюсселе, завершившихся безрезультатно во многом по причине индифферентной позиции к европейскому плану со стороны американской администрации.

С апреля-мая 1994 г. германская политика в отношении Боснии и Герцеговины начинает развиваться в рамках Контактной группы, решение о создании которой, по мнению Е. Гуськовой, «выросло из необходимости усилить влияние США на процесс урегулирования, упростить механизм принятия решений в рамках ЕС, разработать новую формулу переговорного процесса...» [7, с. 437]. Накануне официального оформления Контактной группы министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель положительно оценил новый формат проведения переговоров: «...Необходимо использовать традиционные связи отдельных стран с воюющими сторонами; ФРГ поддерживает особенно тесные отношения с Хорватией, США – с мусульманами, Россия способна оказать серьезное воздействие на сербскую сторону. Такая организация работы вполне разумна». Приглашение Германии к участию в работе Контактной группы было позитивным образом воспринято немецкой политической элитой, поскольку предоставляло германской дипломатии возможность участвовать в обсуждении боснийских вопросов в более привилегированном статусе [8, р. 145].

В то же время участие Федеративной Республики в деятельности Контактной группы объективно не имело решающего воздействия на согласование позиций членов указанного форума, поскольку ход переговоров по боснийскому урегулированию в рамках Контактной группы во многом определялся позицией американской стороны. Американская программа урегулирования кризиса, предусматривающая отмену эмбарго на поставки вооружений в отношении боснийских мусульман, а также нанесение воздушных ударов по сербским позициям, находила полную поддержку в Бонне. Соответственно, доминирование США в Контактной группе, достигшее своего апогея в июле-августе 1995 г., рассматривалось в Германии как исключительно благоприятный фактор, способствующий реализации обозначенных мер по нормализации положения в Боснии и Герцеговине.

Решительная позиция американской стороны, окончательно сделавшей выбор в пользу силового варианта урегулирования боснийского конфликта, была положительно воспринята в ФРГ. Так, в середине августа 1995 г. советник администрации США по национальной безопасности Э. Лэйк в ходе своего визита в Бонн заручился полной поддержкой федерального руководства в отношении американских инициатив [8, р. 167]. 29 августа германский министр обороны призвал руководителей западных держав «к решительным действиям» в отношении боснийских сербов. С целым рядом аналогичных по содержанию

заявлений в конце августа 1995 г. выступают также представители правящих и оппозиционных политических партий Федеративной Республики [9, с. 109–111].

По завершении операции НАТО в Боснии и Герцеговине, проведенной в конце августа – начале сентября 1995 г., германская дипломатия в рамках Контактной группы принимает участие в подготовке и проведении переговоров по Боснии и Герцеговине, завершившихся 21 ноября подписанием конфликтующими сторонами мирных соглашений. Учитывая то обстоятельство, что решающее воздействие на ход переговорного процесса оказывали представители американской администрации, участие немецкой делегации в переговорах в Дейтоне ознаменовалось, по выражению А. Людеке, «скромными и половинчатыми успехами». Руководитель делегации ФРГ В. Ишингер отмечает, что «США практически монополизировали переговоры по согласованию ключевых пунктов соглашения». В этой связи германская дипломатия была вынуждена сконцентрироваться в основном на согласовании гражданских аспектов документа, таких, как временное положение о статусе Мостара, проблематика вынужденных переселенцев и беженцев, разработка окончательного варианта соглашения об образовании хорватско-мусульманской федерации. Более значимой дипломатической инициативой Федеративной Республики в рамках переговоров можно считать предложение об установлении обязательных для конфликтующих сторон предельных лимитов вооружений, зафиксированное впоследствии в итоговом тексте мирного соглашения [10, р. 65]. По мнению К. Кайзера и Й. Краузе, «активная роль Германии в разработке положений, касающихся установления контроля за вооружениями конфликтующих сторон имеет стратегическую направленность». Прогнозируя участие сил бундесвера в имплементации мирного соглашения, германское руководство было заинтересовано минимизировать возможные потери среди военнослужащих. В этой связи большое внимание на переговорах в Дейтоне германская делегация уделяла вопросам ограничения вооружений, а также созданию устойчивого баланса военных потенциалов Республики Сербской и Мусульманско-хорватской Федерации.

Итоги переговоров в Дейтоне были положительным образом восприняты в Федеративной Республике. Германский министр иностранных дел К. Кинкель в своем обращении к немецкому парламенту позитивно охарактеризовал подписанное мирное соглашение: «4 года войны унесли 250000 жизней, беженцами стали более 2 миллионов человек. Сейчас мир в бывшей Югославии впервые имеет реалистичные шансы. Европейский Союз с самого начала конфликта добивался его урегулирования политическими методами, активно участвовал в разработке мирного плана в рамках Контактной группы. Тем не менее нет сомнений в том, что решающими для окончательного достижения мирного соглашения были политическая воля и военное участие Соединенных Штатов» [10, р. 28].

Наряду с дипломатическими усилиями, которые предпринимала Германия для урегулирования боснийского кризиса, следует особо выделить силовой компонент миротворчества Берлина в бывшей югославской республике, а именно участие военнослужащих бундесвера в миротворческих операциях ООН и НАТО.

Характерной особенностью германского политического процесса первой половины 90-х годов XX в. стало интенсивное обсуждение сложнейшего с конституционно-правовой и идеологической точек зрения вопроса о возможном участии немецких вооруженных сил в операциях, проводимых за пределами военно-политических организаций, членом которых являлась Федеративная Республика. Боснийский кризис 1992–1995 гг. оказал непосредственное воздействие на принятие германской правящей элитой принципиально важных решений в области внешней политики и политики в сфере безопасности. Дискуссия по вопросу о возможном использовании германских вооруженных сил в операциях ООН на территории бывшей Югославии, помимо конституционно-правовых аспектов и особой «исторической» ответственности Германии за преступления национал-социалистического режима на Балканском полуострове, осложнялась особыми требованиями к обеспечению безопасности военнослужащих ФРГ. В этой связи для федерального правительства было принципиально важно свести до минимума потенциальные политические и военные риски, связанные с участием бундесвера в международных операциях в бывших югославских республиках, и действовать в составе широкой интернациональной коалиции при наличии высокой доли вероятности благоприятного завершения операции под политически оправданным предлогом (предотвращение гуманитарной катастрофы, защита прав человека и национальных меньшинств).

Так, поддержка военно-морским флотом ФРГ операции ЗЕС в Адриатическом море по контролю за соблюдением режима эмбарго на поставку вооружений в республики бывшей Югославии была сопряжена с минимальным риском непосредственного боевого использования. Участие немецких транспортных самолетов в обеспечении воздушного моста в Сараево, несмотря на опасность артиллерийского обстрела конфликтующими сторонами, завоевало одобрение немецкой общественности вследствие гуманитарной направленности акции. Наиболее спорным, в первую очередь с точки зрения конституционного права Германии, стало решение федерального правительства от 2 апреля 1993 г., на основании которого для участия в операции «Deny Flight» Министерство обороны ФРГ предоставило летный и обслуживающий персонал общей численностью до 500 военнослужащих в целях обеспечения сбора информации в зоне конфликта с помощью систем «АВАКС». Поскольку цели указанной операции носили скорее не гуманитарный, а военно-разведывательный характер, решение германского руководства обострило дискуссию о правомерности использования германских вооруженных сил за пределами военно-политических союзов, участником которых являлась Федеративная Республика. Германский исследователь Э. Витте замечает по этому поводу: «Новые шаги в военной области вызывали все более напряженные внутриполитические дебаты. Участие немецких военнослужащих в операции «Deny Flight» вызвало в Германии особенно острые споры» [11, р. 1, 5].

Конституционно-правовые рамки участия германского бундесвера в международной миротворческой деятельности были окончательно определены германским Федеральным конституционным судом 12 июля 1994 г. Согласно вердикту высшей судебной инстанции, текст конституции ФРГ «не содержит в себе каких-либо ограничений на использование немецких вооруженных сил в

миротворческих операциях, учреждаемых на основании мандата ООН». При принятии решения о направлении германского миротворческого контингента в зону конфликта федеральное правительство обязано заручиться поддержкой простого большинства депутатов бундестага ФРГ. Таким образом, Федеральный конституционный суд подтвердил легитимность участия немецких вооруженных сил в операциях за пределами национальных и союзнических границ, а также упорядочил конституционно-правовую базу, регламентирующую военное присутствие ФРГ в кризисных регионах.

Решение Федерального конституционного суда ознаменовало собой значимый поворотный момент в истории объединенной Германии, оно обозначило преодоление важного морально-психологического и конституционно-правового барьера, ограничивавшего восстановление в полном объеме состояния «нормальности» германского государства. Вскоре высокий судебный вердикт послужил правовой основой первого после окончания Второй мировой войны боевого опыта немецких вооруженных сил в рамках операции НАТО по защите Сил быстрого реагирования в Боснии и Герцеговине в июле-декабре 1995 г. По мнению В. Йертца, выполнение бундесвером чисто военных задач в рамках указанной операции «явилось первым серьезным сигналом, подтверждающим, что правительство (ФРГ) в будущем готово на равных разделить ответственность с союзниками, участвуя в операциях с высокой степенью риска» [12, р. 8]. На наш взгляд, военное присутствие бундесвера в бывших югославских республиках в сочетании с членством ФРГ в Контактной группе позволило Германии значительно упрочить свои позиции в части обсуждения вопросов урегулирования югославского кризиса.

22 июля 1992 г. на специальном заседании бундестага, посвященном обсуждению возможности участия германского военно-морского флота в мероприятиях ЗЕС и НАТО по обеспечению соблюдения режима эмбарго на поставку вооружений в бывшие югославские республики, министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель выступил с заявлением, в котором изложил официальную позицию федерального правительства по вопросу использования бундесвера в операциях на Балканах. «После объединения международная политическая ответственность Германии возросла. В особой степени это касается возросших обязательств Федеративной Республики по обеспечению применения международных инструментов поддержания мира, предусмотренных уставом ООН. По этим причинам федеральное правительство придает первостепенное значение поиску мирного решения для Югославии» [13, р. 546].

С 4 июля 1992 г. немецкие военно-воздушные силы принимали участие в операции по обеспечению воздушного моста «Загреб – Сараево». С помощью двух транспортных самолетов в боснийскую столицу из Германии через Загреб доставлялись гуманитарные грузы. 10 июля 1992 г. в столице Хорватии германские военные организовали базу для обслуживания воздушного флота с персоналом в составе 34 военнослужащих. Начиная с 18 июля 1992 г. две эскадры германского военно-морского флота общим экипажем в 550 военнослужащих, а также 3 германских самолета-разведчика оказывали поддержку операции ЗЕС и НАТО в Адриатике по контролю за соблюдением режима эмбарго на поставку вооружений в бывшие югославские республики. Команда немецкого

разведывательного военно-воздушного контингента в составе 70 человек экипажа и обслуживающего персонала разместились на Сардинии (Италия). Для обеспечения контроля за соблюдением режима эмбарго на Дунае федеральное правительство выделило 4 судна береговой охраны, а также 50 немецких полицейских и таможенных служащих. С октября 1992 г. немецкие военнослужащие в рамках отряда быстрого оповещения НАТО участвуют в наблюдении за воздушным пространством зоны конфликта.

2 апреля 1993 г. федеральное правительство принимает решение об использовании немецкого бортового и обслуживающего персонала в операции НАТО «Deny Flight» по патрулированию воздушного пространства над Боснией и Герцеговиной.

26 июня 1995 г. германский кабинет министров сообщает о положительном решении вопроса о поддержке вооруженными силами ФРГ Сил быстрого реагирования, формируемых на основе контингентов стран НАТО и ЕС. В задачи немецких военных входило обнаружение наземных целей при помощи самолетов «Торнадо» для последующего нанесения воздушных ударов авиацией НАТО, транспортное обеспечение, а также развертывание полевого госпиталя на территории Хорватии.

6 декабря 1995 г. германский бундестаг одобрил (543 голоса «за», 107 – «против») решение федерального правительства об участии немецких военнослужащих в военных мероприятиях НАТО по обеспечению выполнения дейтонских соглашений. Согласно резолюции кабинета министров ФРГ, деятельность немецкого контингента должна включать в себя реализацию следующих задач.

Немецкому военному командованию предписывалось организовать работу по усилению санитарного комплекса в Хорватии, обеспечению военной логистики; германская сторона выделяла в распоряжение руководства объединенной группировки IFOR части инженерных войск для сооружения и ремонта необходимых объектов инфраструктуры, а также разминирования опасных зон на территории Боснии и Герцеговины. Германские «Торнадо» продолжали патрулирование воздушного пространства над территорией бывшей югославской республики. Сохранялось присутствие в регионе Адриатического моря разведывательных самолетов и кораблей военно-морского флота ФРГ для контроля выполнения эмбарго на поставку вооружения в страны бывшей Югославии. Решение германского правительства предусматривало размещение немецкого контингента на территории Хорватии. Численность германского контингента должна была составить 4000 человек и могла быть увеличена в зависимости от развития ситуации в кризисном регионе. Резолюция правительственного кабинета зафиксировала также предельный срок пребывания сил бундесвера в зоне конфликта – 12 месяцев – согласно договоренностям, достигнутым в ходе переговоров в Дейтоне, и решению Совета НАТО.

Решение, принятое немецким парламентом 6 декабря 1995 г., – свидетельство изменившейся оценки германской политической элитой военно-политического статуса ФРГ. Выступления германских политических деятелей подтверждают эпохальность этого события, его значимость для достижения Федеративной Республикой состояния «нормальности».

«Мы все ощущаем, что это особенный день. Это решение знаменует собой важную веху в жизни нашего народа. Оно нацелено далеко в будущее» (Г. Коль, бундесканцлер). «Мы принимаем сегодня важное решение. В этой исторической ситуации немецкая социал-демократия осознает международную ответственность Германии и одобряет участие немецких вооруженных сил в операции, несмотря на некоторые существующие сомнения среди депутатов нашей фракции» (Р. Шарпинг, председатель парламентской фракции СДПГ). «Каждый знает, что вместе с этим решением мы принимаем тяжелое бремя ответственности» (В. Шойбле, председатель фракции ХДС/ХСС в германском бундестаге). «Сигнал Европе и миру, который сегодня подал бундестаг своим решением, означает, что Германия осознает свою ответственность и стремится разделить ее вместе со своими партнерами. Это историческое решение» (К. Кинкель, министр иностранных дел). «Немецкий бундестаг принимает сегодня очень важное для страны решение. Мы поддерживаем его» (Й. Фишер, председатель депутатской группы «Союз 90/Зеленые») [14, р. 147].

Необходимо отметить, что представленная официальная точка зрения немецких министров и парламентариев по вопросу использования германского контингента в операции НАТО на территории бывшей Югославии в 1995 г. значительно отличалась от позиции тех же политических деятелей, озвученной ими в начале 1990-х годов. Протоколы парламентских заседаний свидетельствуют об изменениях в оценках немецких политиков относительно возможностей участия германского бундесвера в операциях за пределами национальных и союзнических границ, в том числе в бывшей Югославии.

«Должен еще раз уточнить, что участие немецких войск в составе миротворческого контингента в Югославии не рассматривается из уважения к нашей конституции, а также учитывая отдельные страницы истории германо-югославских отношений» (Г. Ферхойген, СДПГ) [14, р. 149]. «Я всегда утверждал, что в Европе есть отдельные области – к ним определенно можно отнести и югославские республики, – при упоминании которых немислимо представить на их территории немецких солдат. Это не дискриминация немцев, это выражение политического здравого смысла». (Г. Коль). «От имени СвДП считаю необходимым однозначно заявить: отправка наземных войск в Югославию не обсуждается. Во-первых, я считаю, что для этого не созданы конституционно-правовые предпосылки. Во-вторых, все военные эксперты подтверждают бесперспективность этого шага. Необходимо помнить об истории югославской кампании германских войск в период Второй мировой войны. Даже 40 дивизий оказались неспособны успокоить там партизанскую войну» (Х.-О. Золмс, председатель парламентской фракции СвДП). «Военное присутствие в Югославии исключается... это касается и наземных, и воздушных войск». (Ф. Рюэ, министр обороны ФРГ).

Таким образом, официальная позиция политического истеблишмента ФРГ по вопросу участия германских вооруженных сил в операциях на территории бывшей СФРЮ в период 1991/1992–1995 гг. претерпела радикальные изменения. Если в 1994 г. решением Федерального конституционного суда были упорядочены конституционно-правовые рамки использования бундесвера в зарубежных операциях, то в декабре 1995 г. был преодолен важный морально-пси-

холологический барьер, связанный с историческим наследием военной кампании гитлеровских войск в Европе 1939–1945 гг.

Следующим важным шагом Федеративной Республики на пути к ее самоутверждению в качестве «нормальной» в военном отношении державы стало участие бундесвера в Силах по стабилизации в Боснии и Герцеговине (SFOR). Согласно решению бундестага ФРГ от 13 декабря 1996 г. (499 – «за», 93 – «против»), для участия в 18-месячной операции выделялся контингент в составе 3000 немецких военнослужащих, из которых 2000 составляли наземные войска. Принципиально важным стало размещение германских войск уже непосредственно в Боснии и Герцеговине для совместного с французскими военными контролирования ситуации в секторе Сараево – Мостар.

Необходимо отметить, что расширение сферы действия германских вооруженных сил определялось не только особенностями политического процесса Федеративной Республики первой половины 1990-х годов. В значительной мере указанные изменения в военно-политической сфере были также обусловлены позицией партнеров Германии по европейским и трансатлантическим региональным организациям. По мнению Н. Павлова, на руководство ФРГ оказывали давление союзники и Генеральный секретарь ООН, с тем чтобы «теснее вовлечь объединенную Германию в создание “нового мирового порядка”» [15, с. 160]. «Союзники Германии сыграли большую роль в расширении возможностей использования германского бундесвера», – отмечает Э. Витте. Так, руководители Великобритании и Франции, направившие в зону югославского конфликта наибольшие по численности миротворческие контингенты, неоднократно призывали федеральное правительство разделить ответственность с европейскими партнерами. Вместе с этим наиболее весомой для германских властей, на наш взгляд, все же стала позиция политического руководства США, неоднократно поощрявшего Бонн к более заметному участию в международных мерах по стабилизации положения в бывшей Югославии.

Так, по инициативе администрации президента США Б. Клинтона германские военно-воздушные силы с февраля 1993 г. принимают участие в операции по доставке гуманитарных грузов в Восточную Боснию, с конца марта 1993 г. – в операции по наблюдению за воздушным пространством Боснии и Герцеговины. В ходе боснийского кризиса конгресс США неоднократно оказывал свою поддержку стремлениям ФРГ играть более заметную роль в военно-политической области. Так, например, в феврале 1994 г. сенат США принял резолюцию (96 голосов «за», 1 – «против»), призывавшую политический Бонн «в полном объеме участвовать в поддержании международной безопасности и обеспечении международного мира».

Поддержка германским бундесвером операции НАТО по обеспечению выполнения дейтонских соглашений также была одобрена руководством США. «Мне бы хотелось отдельно поблагодарить канцлера (ФРГ) за принятие этого, без преувеличения, исторического решения. Германия взвалила на свои плечи огромное бремя ответственности по обеспечению безопасности в мире; мы все благодарны ей за это», – заявил Б. Клинтон в мае 1996 г.

Позиция США по вопросу боснийского регулирования во многом являлась ориентиром для германских властей. Так, например, летом 1996 г. при обсуж-

дении возможностей участия немецкого бундесвера в новой операции НАТО на территории Боснии и Герцеговины (SFOR) федеральное правительство подчеркнуло, что положительное решение вопроса возможно исключительно в случае согласия США участвовать в указанной акции. Следовательно, когда администрация США в сентябре 1996 г. подтвердила свое намерение задействовать в интернациональной группировке SFOR американский контингент, официальный Бонн также заявил о своей поддержке операции по стабилизации положения в Боснии и Герцеговине.

Итак, в ходе боснийского кризиса германская дипломатия в силу объективных факторов оказалась неспособна эффективно участвовать в процессе урегулирования межнационального конфликта и была вынуждена постоянно корректировать свою позицию по боснийскому вопросу в соответствии с внешнеполитическим курсом своих более влиятельных партнеров по европейским и трансатлантическим региональным организациям. Вместе с этим приглашение Германии к участию в деятельности Контактной группы, а позже к разработке отдельных положений дейтонских соглашений позволило Федеративной Республике закрепиться в престижном клубе держав-посредников в югославском урегулировании и повысить свой политический статус и престиж.

Кроме того, значительно расширяется сфера действия германского бундесвера и усиливается военное присутствие Федеративной Республики в кризисном регионе. Инициатором фундаментальных преобразований в военно-политической области выступили, безусловно, представители политической элиты Германии, использовавшие кризисную ситуацию в бывшей Югославии для создания общественного фона, стимулирующего проведение указанных преобразований в сфере безопасности ФРГ. Вместе с этим изменения в военно-политической области Федеративной Республики в немалой степени были инициированы партнерами Германии (в первую очередь США), призывавшими руководство Федеративной Республики более активно участвовать в операциях по урегулированию международных конфликтов.

Балканы, являющиеся стратегически важным регионом, связывающим Европу, Азию и Африку, всегда привлекали пристальное внимание германских политиков. После краха биполярной системы международных отношений в этой части Европы образовался своеобразный вакуум, который попыталась заполнить новая объединенная Германия, претендовавшая на роль континентальной сверхдержавы. Вооруженный конфликт в Боснии в первой половине 1990-х годов предоставил Берлину прекрасную возможность реализовать амбициозные планы по расширению своего влияния на практике. Войска Бундесвера, получившие по решению Федерального конституционного суда право действовать за пределами своей страны, сыграли определенную роль в урегулировании этого кризиса и значительно укрепили роль Германии в «мягком подбрюшье Европы».

Summary

V.A. Shagalov. The Role of Germany in Conflict Resolution in Bosnia and Herzegovina 1992–1995.

The article is devoted to the problem of regulation of one the most acute conflicts on the Balkans, i.e. conflict in Bosnia and Herzegovina. It gives special attention to the role of Germany in this process. A detailed analysis of the positions of German leaders G. Kohl and H. Gensher is presented. Particular attention is drawn to the issue of participation of Bundeswehr soldiers in peacekeeping operation in Bosnia and Herzegovina.

Key words: conflict, Bosnia and Herzegovina, Serbia, Croatia, United Nations, peacekeeping operation, Germany, H. Kohl, USA, German soldiers.

Литература

1. Nachdem Massaker in Sarajewo beschliesst EG Saktionen gegen Serbien // Die Welt vom – 18.06.1993
2. *Libal M.* Limits of persuasion: *Germany* and the Yugoslav crisis, 1991–1992. – Westport, Conn.; London: Praeger, 1997. – 217 p.
3. *Lüdeke A.* „Europäisierung“ der deutschen Außen- und Sicherheitspolitik? Konstitutive und operative Europapolitik zwischen Maastricht und Amsterdam. – Opladen., 2002. – 354 S.
4. *Maull H.W.* Germany in the Yugoslav Crisis // *Survival*. – Winter 1995/1996. – V. 37, No 4. – P. 99–130.
5. *Owen D.* The Balkan Odyssey. – London: Harcourt Brace, 1995. – 389 p.
6. *Clinton B.* My Life. – N. Y.: Alfred A. Knoff Inc., 2004. – 1008 p.
7. *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). – М.: Рус. Право / Рус. Нац. фонд, 2001. – 720 с.
8. German Participation in Contact Group / Ed. H.P. Roger. – London: Oxford Univ. Press, 1998. – 193 p.
9. *Девятова Л.Ф.* Германия в системе европейской безопасности в конце XX – начале XXI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – 237 с.
10. *Baumann R., Helmann G.* Germany and the use of military Force: Total War, The Culture of Restraint And The Quest For Normality // *German Politics*. – Frankfurt, 2001. – V. 10, No 1. – P. 61–82.
11. *Fisher M.* Germans on Bosnia Patrol? // *Intern. Herald Tribune*. – 1993. – 3, 4 April.
12. *Cowell A.* German soldiers to go to Balkans, Despite the memories // *Intern. Herald Tribune*. – 1995. – 12 October.
13. The Blue Helmets. A Review of UN peace-keeping. – N. Y.: United Nations Department of Public Information, 1996. – 808 p.
14. *Brown M.* German Parliament and international Peace-keeping. – N. Y.: Routledge, 2004. – 243 p.
15. *Павлов Н.В.* Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. – М.: Наука, 2005. – 410 с.

Поступила в редакцию
27.02.08

Шагалов Вячеслав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Казанского государственного университета.